

В статье рассматриваются вопросы законодательной регламентации признаков превышения должностных полномочий по уголовному законодательству стран – бывших республик СССР. Автор оценивает подходы зарубежных законодателей, выделяя как положительные, так и отрицательные их стороны, а также возможность восприятия положительного опыта российским законодателем.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий; существенный вред; тяжкие последствия; достоинства; недостатки; УК РФ; зарубежное законодательство.

The article deals with the issues of legislative regulation of the signs of excess of official authority in the criminal legislations of countries - former Soviet republics. The author assesses the approaches of foreign legislators, highlighting both positive and negative aspects of them, as well as the possibility of perceiving positive experience by the Russian legislator.

Keywords: abuse of official authority; significant harm; grave consequences; dignity; limitations; Criminal Code of the Russian Federation; foreign legislation.

А. А. Ильин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: ilin978@yandex.ru

Особенности уголовной ответственности за превышение должностных полномочий по законодательству стран – бывших республик СССР

Научная статья

А. А. Ilin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Features of Criminal Liability for Abuse of Official Authority under the Laws of Countries – Former Soviet Republics

Scientific article

В отличие от стран дальнего зарубежья уголовное законодательство стран – бывших республик СССР намного ближе к российскому в вопросах законодательной регламентации состава превышения должностных полномочий. Это проявляется, в частности, в сходной терминологии, объеме криминализации противоправного деяния, признаваемого превышением, в местонахождении состава среди других должностных преступлений и т. д.

Практически все уголовные кодексы рассматриваемой группы стран содержат самостоятельную норму о превышении должностных полномочий, имеющую идентичное либо сходное со ст. 286 УК РФ наименование: «Превышение должностных полномочий» (ст. 305 УК Кыргызской республики; ст. 309 УК Азербайджанской республики; ст. 316 УК Республики Таджикистан), «Превышение власти или служебных полномочий» (ст. 426 УК Республики Беларусь, ст. 365 УК Украины),

© Ильин А. А., 2017

«Превышение служебных полномочий» (ст. 317 УК Латвийской Республики). Исключение составляют лишь уголовные кодексы Литовской и Эстонской республик, описывающие составы превышения в рамках норм о злоупотреблении.

Весьма близка позиция стран – бывших республик СССР и по вопросам законодательной регламентации объективной стороны состава превышения полномочий, однако здесь есть свои особенности. В данном вопросе изучаемые страны можно условно разбить на три подгруппы в зависимости от степени сходства в описании состава с УК РФ. Первую подгруппу образуют страны, чьи уголовные кодексы практически идентичны с УК РФ в описании объективной стороны превышения (УК Азербайджана, УК Кыргызской Республики, УК Республики Казахстан, УК Республики Таджикистан). Так, например, ст. 316 УК Таджикистана характеризует объективные признаки

превышения как совершение действий, явно выходящих за пределы полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [1], что полностью совпадает с признаками ст. 286 УК РФ. Вторую подгруппу образуют страны, чьи уголовные кодексы имеют определенные отличительные особенности (УК Республики Беларусь, УК Латвийской республики, УК Украины, УК Республики Узбекистан). Так, при описании деяния в УК Узбекистана (ст. 206) не используется признак «явности», но есть указание на источник предоставленных должностному лицу полномочий: «...совершение должностным лицом... действий, выходящих за пределы полномочий, предоставленных ему законом...» [2]. Указание на источник полномочий содержит также УК Латвийской Республики, называя наряду с законом задание, которое может быть возложено на лицо. Некоторые уголовные кодексы предусматривают возможность выхода должностного лица не только за пределы его полномочий, но и прав (ст. 365 УК Украины, ст. 317 УК Латвийской Республики, ст. 426 Республики Беларусь).

Все уголовные кодексы рассматриваемых стран аналогично УК РФ при описании последствий используют оценочное понятие «существенности» причиненного вреда, значение которого в материальном выражении раскрывается только в УК Украины.

В соответствии с Примечанием 3 к ст. 364 УК Украины «существенным вредом в статьях 364, 365, 367, если он заключается в причинении материального ущерба, считается такой вред, который в сто и более раз превышает не облагаемый налогом минимум доходов граждан» [3]. В соответствии с законодательством Украины сумма необлагаемого минимума устанавливается на уровне социальной льготы (п. 5 раздел XX переходных положений налогового кодекса Украины) и на 2017 год составляет 800 гривен [4]. Следовательно, существенным вредом будет признаваться сумма, превышающая 80000 гривен, что в рублевом эквиваленте составляет примерно 180 тыс. руб.¹ УК Республики Беларусь и Узбекистана пошли по другому пути, предусмотрев для характеристики материального вреда альтернативное последствие – «крупный ущерб» (УК Узбекистана) и «ущерб в крупном раз-

мере» (УК Республики Беларусь). Так, например, в соответствии с Примечанием 2 к гл. 35 УК Республики Беларусь ущербом в крупном размере признается размер на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленной на день совершения преступления. Размер базовой величины, согласно постановлению Совмина от 28.11.2016 г. № 974, составляет 23 белорусских рубля [5], что эквивалентно примерно 685 российским рублям². Следовательно, ущербом в крупном размере по УК Республики Беларусь в рублевом эквиваленте признается сумма, превышающая 171 тыс. руб., что практически идентично порогу, установленному УК Украины. УК Узбекистана «крупным ущербом» признает ущерб в пределах от трехсот до пятисот минимальных размеров заработной платы (Раздел восьмой. Правовое значение терминов). Минимальный размер заработной платы в Республике Узбекистан с 01 октября 2016 г. составляет 149775 сумов в месяц [6], что эквивалентно примерно 1106 российским рублям³. Следовательно, крупным ущербом в рублевом эквиваленте признается сумма свыше 331 тыс. рублей. *Несмотря на существенную разницу в размерах названных сумм, общим для уголовных кодексов стран второй подгруппы является стремление на законодательном уровне конкретизировать размер «существенности» причиненного вреда, если он носит материальный характер, что, на наш взгляд, правильно, т. к. упрощает деятельность правоприменителя, которому не требуется в каждом конкретном случае особо доказывать «существенность» вреда, выраженного в той или иной денежной сумме.*

В научной литературе предлагается заимствовать законодательный опыт Республики Казахстан [7], в п. 14 ст. 3 УК которого дается определение «существенного вреда» [8, с. 219]. Данное предложение нам представляется спорным, поскольку критерии, заложенные в указанном определении, во многом неконкретны и принципиально не отличаются от разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [9], следовательно, не снимут возникающих на практике проблем

² Расчет произведен по курсу Центрального банка Российской Федерации на 15.11.2017.

³ Расчет произведен по курсу Центрального банка Российской Федерации на 15.11.2017.

¹ Расчет произведен по курсу Центрального банка Российской Федерации на 15.11.2017.

[10, с. 102–104]. Не совсем удачным выглядит и смешение последствий в виде существенного вреда с причинением значительного ущерба (п. 2 ст. 3 УК Республики Казахстан).

Уголовные кодексы стран третьей подгруппы (УК Литовской Республики, УК Эстонской Республики) существенно отличаются от ранее рассмотренных в вопросах описания объективной стороны превышения. Так, УК Литовской Республики, не раскрывая объективных признаков превышения полномочий, устанавливает, что такое деяние признается преступным в случае причинения «большого ущерба» (ст. 228) [11], а УК Эстонской Республики вообще не упоминает о превышении, но его объективные признаки выводятся из ст. 161¹, устанавливающей уголовную ответственность за злоупотребление властью: «Незаконное применение должностным лицом при выполнении своих служебных обязанностей оружия или насилия, а равно совершение им мучительных для потерпевшего или оскорбляющих его достоинство действий – наказывается лишением свободы на срок до шести лет» [12]. Объективная сторона здесь описана наиболее узко и выражается только в совершении действий, которые ни одно должностное лицо не вправе совершать.

Вопрос о субъективной стороне состава превышения полномочий во всех уголовных кодексах стран – бывших участниц СССР решен единообразно: превышение должностных полномочий возможно только с умышленной формой вины. Такой вывод следует либо из прямого указания закона на умысел как на единственно возможную форму вины (ст. 206 УК Узбекистана, ст. 426 УК Республики Беларусь, ст. 365 УК Украины, ст. 317 УК Латвийской Республики), либо из используемого законодателями признака «явности» выхода за пределы полномочий. Исключение составляет УК Литовской Республики, в ст. 228 которого не упоминается ни об умысле, ни о явности при превышении служебных полномочий. Однако и здесь неосторожная форма вины исключается в силу прямого указания закона: ч. 4 ст. 16 УК Литовской Республики устанавливает, что лицо подлежит уголовной ответственности за преступление или уголовный проступок, совершенные по неосторожности, лишь в случаях, особо предусмотренных в Специальной части Уголовного кодекса. Мотив и цель в качестве обязательных признаков основного состава ни в одном уголовном кодексе не фигурируют, следовательно, таковыми не являются.

Субъектом превышения должностных полномочий в большинстве уголовных кодексов рассматриваемых стран выступает должностное лицо. Исключение составляют УК Латвийской («государственное должностное лицо»), Литовской Республики («государственный служащий либо приравненное к нему лицо») и УК Республики Казахстан («лицо, уполномоченное на выполнение государственной функции»).

В вопросах дифференциации ответственности посредством выделения квалифицирующих признаков позиции законодателей стран – бывших участниц СССР во многом сходны, однако здесь есть свои особенности: практически все уголовные кодексы в качестве такового признают особый статус должностного лица (за исключением УК Литовской, Латвийской Республики и УК Украины), а вот особо квалифицирующие признаки, регламентированные ч. 3 ст. 286 УК РФ, встречаются не во всех уголовных кодексах рассматриваемых стран.

Так, ни об одном из них не упоминают УК Республики Узбекистан, УК Литовской и УК Эстонской Республики. В то же время они хорошо известны азербайджанскому, украинскому, белорусскому и киргизскому законодателям. Однако их влияние на дифференциацию уголовной ответственности различно: в УК Республики Беларусь и Таджикистан они имеют статус особо квалифицирующих, а в УК Кыргызской и Азербайджанской Республики – квалифицирующих. В отдельных случаях, в отличие от УК РФ, значение данных признаков определено законодательно: примечанием 4 к ст. 364 УК Украины, например, установлено, что тяжкими последствиями, если они заключаются в причинении материального ущерба, считаются такие, которые в двести пятьдесят и более раз превышают необлагаемый налогом минимум доходов граждан, что в рублевом эквиваленте составляет примерно 450 тыс. руб.⁴ Таким образом, из всех стран рассматриваемой группы лишь УК Украины конкретизирует не только «существенность» причиненного вреда, но и тяжесть наступивших последствий, если они выражаются материально. На наш взгляд, это положительный опыт, который должен воспринять и российский законодатель, поскольку минимизация оценочных категорий уголовного закона и законодательная расшифровка наиболее важных терминов

⁴ Расчет произведен по курсу Центрального банка Российской Федерации на 15.11.2017.

– необходимое условие высокого уровня законодательной техники [13, с. 11–12].

Помимо известных УК РФ квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков превышения должностных полномочий, уголовные кодексы стран рассматриваемой группы содержат и иные признаки, характеризующие превышение как совершенное: в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц (УК Республики Казахстан); в интересах организованной группы или преступного сообщества (УК Кыргызской Республики); с причинением особо крупного ущерба (УК Республики Узбекистан); из корыстной или иной личной заинтересованности (УК Республики Беларусь); в целях имущественной либо иной личной выгоды (УК Литовской Республики); с корыстной целью (УК Латвийской Республики); с причинением мучительных и оскорбляющих личное достоинство потерпевшего действий (УК Украины). Отметим, что последний признак был использован законодателем еще в УК РСФСР 1960 г. для построения квалифицированного состава превышения власти или служебных полномочий, однако в настоящее время его использование представляется нам нецелесообразным.

В некоторых уголовных кодексах стран – бывших республик СССР, в отличие от УК РФ, уголовная ответственность дифференцирована также посредством выделения специальной нормы, регламентирующей вопросы ответственности военнослужащих (УК Республики Таджикистан, УК Азербайджанской Республики, УК Украины, УК Латвийской Республики, УК Эстонской Республики). Наиболее нецелесообразным такое решение выглядит в УК Республики Таджикистан, поскольку между общей (ст. 316) и специальной нормами (ст. 391) возникает неразрешимая конкуренция, т. к. объективные признаки составов идентичны, а понятие «должностное лицо» в рамках главы 30 специфично (в нее входит общая норма о превышении): им признаются в том числе лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные, административно хозяйственные функции в Вооруженных силах Республики Таджикистан, других войсках и воинских формированиях. При таких обстоятельствах отграничение составов становится крайне сложным.

Не совсем логична позиция эстонского законодателя. Как было установлено нами ранее, УК Эстонской Республики самостоятельного состава превы-

шения полномочий не содержит, но его признаки усматриваются в ст. 161¹, устанавливающей ответственность за злоупотребление властью. Специальным составом для военнослужащих является ст. 259, также устанавливающая ответственность за злоупотребление властью. Например, если военачальник применяет насилие в отношении подчиненного, то его действия охватываются ч. 1 ст. 259 с санкцией до пяти лет лишения свободы, а если аналогичное деяние совершает должностное лицо, то его действия подпадают под признаки ст. 161¹, где санкция строже – до шести лет лишения свободы, т. е. возникает ситуация, при которой ответственность «гражданских» лиц является более строгой (сходная ситуация наличествовала и в УК РСФСР 1926 г.). Аналогичное положение наблюдается и в УК Украины: превышение полномочий должностным лицом, если оно сопровождалось насилием, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет с лишением специального права (ч. 2 ст. 365), а за аналогичное деяние со стороны военного должностного лица – наказуемо лишением свободы от трех до семи лет: налицо сбой в законодательной технике при конструировании специальных составов. Интересна позиция азербайджанского законодателя. В отличие от общей нормы о превышении (ст. 309), где объективные признаки полностью совпадают с установленными в ст. 286 УК РФ, специальный состав (ст. 341) признает деяние преступным не только в случае причинения существенного вреда, но и если деяние совершалось систематически либо из корыстных побуждений. В качестве дополнительных квалифицирующих признаков выступают совершение деяния группой лиц (ст. 341.2.1.), с применением оружия (ст. 341.2.2.), тяжкие последствия (ст. 341.2.3.), а особо квалифицирующим является совершение деяния в военное время или в боевой обстановке (ст. 341.3). Санкции общей и специальной нормы за аналогичные деяния в виде лишения свободы равны [14].

При рассмотренных обстоятельствах позиция стран, выделяющих состав превышения полномочий военнослужащими в качестве самостоятельного, выглядит не вполне обоснованной.

Проведенный нами анализ уголовного законодательства стран – бывших республик СССР позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, признаки объективной и субъективной стороны основного состава превышения должностных полномочий в большинстве уголовных

кодексов сходны с признаками, установленными ст. 286 УК РФ, но при этом в уголовных кодексах ряда стран им дается законодательная расшифровка. Так, понятие «существенности» причиненного вреда и тяжких последствий раскрыто в УК Украины, «крупного ущерба» / «ущерба в крупном размере» в УК Республики Беларусь и Узбекистана, что отмечено нами в качестве положительного опыта, который заслуживает восприятия и российским законодателем. Так же как и отказ от признака «явности» как характеристики субъективной стороны состава превышения (УК Узбекистана).

Во-вторых, дифференциация уголовной ответственности в некоторых странах проводится посредством выделения квалифицирующих / особо квалифицирующих признаков, неизвестных действующему российскому законодательству.

В-третьих, уголовные кодексы некоторых стран (УК Республики Таджикистан, УК Азербайджанской Республики, УК Украины, УК Латвийской Республики, УК Эстонской Республики), дифференцируя уголовную ответственность, предусматривают специальную норму о превышении полномочий военнослужащими, однако с учетом отмеченных выше недостатков такое решение представляется не вполне обоснованным.

Ссылки

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан / отв. ред. Р. М. Асланов. СПб., 2001. 408 с.
2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug_32 (дата обращения: 15 ноября 2017 г.).
3. Уголовный кодекс Украины / науч. ред. В. Я. Таций, В. В. Сташис. СПб., 2001. 393 с.
4. Интернет-ресурс: <http://www.buhoblik.org.ua/nalogi/nalоговое-pravo/492--minimum-2013.html> (дата обращения: 15 ноября 2017 г.).

5. Интернет-ресурс: https://belarusbank.by/ru/33139/press/spravочно/bazovaya_velichina (дата обращения: 15 ноября 2017 г.).

6. Указ Президента республики Узбекистан от 22.08.2016 г. «О повышении размеров заработной платы, пенсий, стипендий и социальных пособий». URL: <http://goldenpages.uz/zarplata/> (дата обращения: 10 ноября 2017 г.).

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=530;-74 (дата обращения: 17.11.2017 г.).

8. Колесников М. В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий в законодательстве постсоветских государств // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 2(15). С. 217–220.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. 30 окт.

10. Ильин А. А. Характеристика существенности причиненного вреда как признака превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // Труды академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 1021–104.

11. Уголовный кодекс Литовской Республики. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877&subID=100107735,100107738,100107771,100107914#text> (дата обращения: 15 ноября 2017 г.).

12. Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб., 2001. 262 с.

13. Бражник С. Д., Касаткина Н. Н. Лингвистические (языковые) правила в законодательной технике // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 10–12.

14. Уголовный кодекс Азербайджанской республики. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-azerbajdzhanskoj-respubliki/143/> (дата обращения: 13 ноября 2017 г.).